

ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Микроистория: к вопросу о
сущности предмета исследования и
перспективы развития

Книга: Историческая антропология

Лекция: Микроистория: к вопросу о сущности предмета исследования и перспективы развития

Автор лекции: Алия Масалимова

Цель: рассмотреть роль микроистории в становлении предмета исторической антропологии и ее значение в научных традициях различных зарубежных стран.

Продолжим наш рассказ о микроистории в период 1980-1990гг. Напомню, что как научное направление микроистория зародилась в Италии, наиболее известные ее представители – Карло Гинзбург, Эдоардо Гренди, Симона Черутти, Джованни Леви.

Так, по мнению исследователей, во Франции дальнейшему развитию микроистории как перспективного направления активно содействовали историки Жак Ревель и Бернар Лепти. В начале 90-х годов прошлого века в Высшей школе исследований по социальным наукам был организован постоянно действующий семинар по проблеме применения микроанализа в изучении общества, объединивший историков и антропологов.

В работе этого интернационального коллектива приняли участие Жак Ревель, Бернар Лепти, Маурицио Грибауди, Джованни Леви, Симона Черутти и другие известные ученые. Результатом этих обсуждений явился фундаментальный сборник «Игры с масштабами: Микроанализ на практике», опубликованный в 1996 году под редакцией Ревеля. Возвращаясь к книгам Грибауди и Черутти, нужно отметить, что в обеих работах прослеживается присутствие идей не только итальянской, но и французской исторической школы.

Еще один кейс - книга Маурицио Грибауди (по-французски она называется «Рабочие маршруты: социальные пространства и группы в Турине начала XXI века») посвящена изучению жизненных путей туринских рабочих в первой половине прошлого столетия. На основе обширного архивного материала и записей воспоминаний самих участников событий автор прослеживает интеграцию вчерашних крестьян в городскую среду, изучает семейные стратегии, социальный контроль и сети взаимоотношений в рабочих кварталах.

Внимание исследователя привлекают социалистические идеалы и ритуалы утверждения равенства в рабочей среде, конфликт поколений в годы фашизма и многие другие острые проблемы той эпохи. Вместо привычного образа рабочего класса как однородной и целостной группы исследователь показывает сложный и изменчивый мир рабочих изнутри как переплетение судеб, надежд и разочарований сотен людей.

Сходные проблемы ставит в своей работе и Симона Черутти, с французского название данного исследования переводится как «Город и ремесла: рождение корпоративного языка». Она также посвящено Турину, но в предшествующую эпоху, в XVII-XVIII веках.

Исследование начинается с констатации удивительного факта: в течение всего XVII века ремесленные корпорации не играли в Турине сколько-нибудь заметной роли, зато с начала XVIII века их значение резко возрастает. Для объяснения этого явления совершенно не подходят приемы традиционной социальной истории, когда исследователь «расписывает» население по заранее заданным социальным группам на основе выбранных им самим критериев.

Черутти избрала другой путь, намеченный в свое время Э.П. Томпсоном в его знаменитой книге о формировании английского рабочего класса (1963). По мысли Томпсона, класс следует рассматривать не как структуру или категорию, а как социальное отношение. Таким образом, вместо того чтобы считать принадлежность индивидов к определенной группе чем-то самоочевидным, «этот подход, - пишет С. Черутти, - переворачивает перспективу анализа и исследует то, как социальные отношения создают эти общности, объединения и, в конце концов, социальные группы».

Изучив биографии сотен жителей Турина XVII-XVIII веков, исследовательница реконструирует сложные сети их взаимодействия между собой и с городскими властями и на этой основе старается объяснить меняющееся с течением времени отношение туринцев к корпорациям и привилегиям.

Следует еще раз подчеркнуть, что центры изучения микроистории возникали и в других странах. Например, в Германии таким центром стал Институт истории Общества имени Макса Планка в Геттингене. В России сторонники микроистории объединились вокруг Ю.Л. Бессмертного, руководившего в московском Институте всеобщей истории группой по изучению истории частной жизни, и вокруг издаваемого под его редакцией альманаха «Казус».

15. После того как микроистория завоевала мировое признание, стали заметнее и свойственные этому направлению методологические проблемы, громче стали раздаваться голоса скептиков и критиков. Прежде всего, ученый мир стал свидетелем острых разногласий среди самих итальянских микроисториков. Собственно говоря, на их родине неоднородность микроистории уже давно не была тайной.

По наблюдениям С. Черутти, первым, кто всерьез заговорил о наличии двух течений в микроистории,

Книга: Историческая антропология

Лекция: Микроистория: к вопросу о сущности предмета исследования и перспективы развития

Автор лекции: Алия Масалимова

а именно социального и культурного, был Альберто Банти. По его мнению, одни микроисторик («социальные»), такие как Э. Гренди или Дж. Леви, стремились рассмотреть социальную структуру как переплетение различных межчеловеческих отношений. В то время как в работах других, в первую очередь К. Гинзбурга, можно увидеть скорее изучение фрагментов поведения с целью выявить культурные смыслы, которыми люди прошлого наделяли «свою социальную вселенную».

Статья Альберто Банти (1991) не имела особого резонанса, но несколько лет спустя к той же проблеме обратился один из отцов – основателей микроистории – Эдоардо Гренди. Он не только констатировал наличие двух направлений в микроисторических исследованиях, но и выразил несогласие с попытками некоторых ученых, прежде всего американских, занимающихся микроисторией, ее «лицетворить».

По мнению Э. Гренди, исследовательский подход К. Гинзбурга всегда была особым, отличным от того, которого придерживались его коллеги вроде Дж. Леви, и полностью находился в рамках проблематики культурных форм; раскрытие опосредующих связей культуры с социальными, межличностными отношениями не входило в его задачи.

Не менее интересна и собственная точка зрения Э. Гренди относительно сущности микроанализа: по его словам, микроанализ «представляет собой определенный тип “итальянского подхода” к социальной истории, более глубоко разработанный, лучше обоснованный теоретически и включенный в особый контекст. Этот контекст, закрытый для социальных наук, подчиняется исторической ортодоксии со свойственной ей жесткой иерархией важности исследуемых объектов».

В характеристике, которую Гренди дал микроистории, обращают на себя внимание два момента. Во-первых, подчеркивается ее связь с историографической традицией («ортодоксией») в том, что касается «иерархии важности исследуемых объектов»: таким образом, радикализм нового направления оказывается весьма относительным. Во-вторых, микроанализ по существу отождествляется с социальной историей в качестве ее итальянского варианта.

Что же касается К. Гинзбурга, то Гренди недвусмысленно дает понять, что этот исследователь не может в полной мере считаться микроисториком. Ссылаясь на статью самого Гинзбурга под названием - «Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю», - Гренди утверждает, что микроистория была для автора «Сыра и червей» лишь удобной рабочей формулой, которой не стоило придавать решающее значение.

Доля истины в этом суждении Гренди, конечно, есть: сам К. Гинзбург говорил, что не связывает свое творчество только с микроисторией. Более важным представляется другой вопрос: можно ли говорить об особой, культурной ветви микроистории, единственным представителем которой - других имен не называется - является К. Гинзбург? Сколько же все-таки направлений микроистории в настоящее время существует: два или одно?

К концу XX века неоднородность итальянской микроистории стала очевидна и для внешних наблюдателей: в 1999 году американский исследователь Брэд Грегори предложил различать эпизодическую и систематическую микроисторию.

Примером первой из них он назвал «Сыр и черви» К. Гинзбурга, а второй - «Нематериальное наследие» Дж. Леви. Под эпизодической микроисторией Б. Грегори понимает «тщательный анализ конкретной встречи или кажущегося незначительным «эпизода» с целью высветить те аспекты в истории общества и культуры, которые не поддаются раскрытию с помощью более традиционных исторических методов». Так, К. Гинзбург и другие практики эпизодической микроистории, по выражению, Б. Грегори использовали протоколы инквизиции для исследования отношений между элитарной и народной культурой в Европе в начале Нового времени.

Что касается систематической микроистории, то это, по словам американского ученого, «новый способ заниматься социальной историей». Этот подход предполагает детальную реконструкцию индивидуальных и семейных взаимосвязей в географически ограниченном по необходимости месте действия, основанную на достаточно богатых архивных источниках, например, таких, как нотариальные акты, приходские книги и завещания.

Приведу своего рода историографический курьез: среди «практиков эпизодической микроистории» Б. Грегори назвал только одно имя - К. Гинзбурга, подобно тому, как в другой классификации (Гренди) тот же ученый оказался единственным представителем «культурного» крыла итальянских микроисториков. Это, конечно, не случайно: исследовательский почерк К. Гинзбурга слишком своеобразен и не похож на чей-либо еще, поэтому, как признают знатоки творчества итальянского историка, он не поддается дефинициям, и его не удастся отождествить с какой-либо школой или направлением».

Книга: Историческая антропология

Лекция: Микроистория: к вопросу о сущности предмета исследования и перспективы развития

Автор лекции: Алия Масалимова

Отметив заслуги микроистории (преимущественно в ее «систематическом», социальном варианте), Б. Грегори коснулся и ограничений, свойственных данному направлению исторических исследований. По мнению американского ученого, эти рамки задаются применяемыми методами, источниками, имеющимися в распоряжении историков, а также ограниченным масштабом наблюдения. На одни вопросы, скажем, о взаимосвязи между семьями и наследованием земли в деревне Сантена конца XVII века, изученной Дж. Леви, микроанализ может дать убедительный ответ, а на другие, например, о мотивах конфессионального выбора в эпоху религиозных войн XVI века, - нет.

Специфика сохранившихся источников - одно из реальных ограничений, с которым вынуждены считаться микроисторики: нотариальные акты, приходские книги и завещания могут быть надежной основой для реконструкции социальных сетей, а, следовательно, для выведения семейных и индивидуальных стратегий, но они не могут пролить свет на картину мира, жизненный выбор и опыт конкретного человека.

Здесь не обойтись без дневников и других подобных эго-документов: в тех редких случаях, когда в руки историка попадают, например, дневники ремесленников XVII века, становится ясно, насколько мир этих людей был сложнее и многограннее, чем можно было бы предположить, не зная этих источников. Поэтому следует быть осторожным, предупреждает Б. Грегори, в отношении заявлений о намерении реконструировать «опыт» на основе демографических, финансовых и семейных документов.

Самой большой слабостью микроистории, ее ахиллесовой пятой Грегори считает проблему репрезентативности. Например, не ясно, на каком основании Дж. Леви полагает, что изученная им деревня Сантена была обычной, «рядовой» деревней Туринского региона, ведь подобная уверенность предполагает сравнение этой деревни с другой, в книге подобное сопоставление отсутствует, и это ограничивает выводы исследователя.

Итоговая оценка Б. Грегори вполне предсказуема: микроисторический анализ сам по себе может быть неадекватным и ошибочным. Большая детализация не обязательно лучше с точки зрения точности или объяснительной силы. Ключ - в гармоничном сочетании разных масштабов исследования.

Одновременно с американским критиком и независимо от него на ограниченность микроисторического проекта указал российский исследователь Н.Е. Копосов. В статье с эпатирующим названием «О невозможности микроистории» он утверждал, что поскольку микроистория не сумела выработать каких-то альтернативных исторических понятий, она в своих обобщениях использует макроисторические понятия и отсылает к макроисторической проблематике, а, следовательно, зависима от макроистории, является одной из ее исследовательских техник. На это можно было бы возразить, что микроисторики и не претендовали на полную методологическую независимость от «большой» истории. Кроме того, как подчеркивал Дж. Леви, микромасштаб вовсе не является сущностной чертой обсуждаемого направления: главное заключается в изменении фокуса исследования, причем этот эффект в принципе может быть достигнут как уменьшением, так и увеличением масштаба.

Однако основной замысел статьи Н.Е. Копосова состоял не в логическом «опровержении» микроистории, а в том, чтобы показать беспочвенность надежд на создание новой парадигмы социальных наук - надежд, которые в последнее время безосновательно связывались именно с микроисторией. На деле же, по словам Н.Н. Копосова, «шествие микроистории далеко не триумфально», это направление «вписывается» скорее в логику распада и кризиса социальных наук, чем в логику его преодоления.

Вероятно, на пороге нового столетия не только Н.Е. Копосову могло показаться, что потенциал микроистории уже исчерпан. В 2002 году в Хельсинском университете прошел семинар под названием «После микроистории?». В этой конференции приняли участие ведущие итальянские микроисторики - С. Черутти, Рената Аго, Дж. Леви, М. Грибауди - и их финские коллеги. Материалы семинара, опубликованные в 2004г. позволяют сделать вывод о том, что слухи о конце микроистории сильно преувеличены. Особого внимания заслуживает статья С. Черутти «Микроистория: социальные отношения против культурных моделей?», которую можно рассматривать как программу развития этого направления на его нынешнем этапе.

В качестве отправной точки для своих размышлений С. Черутти избрала уже известный нам тезис, ставший чем-то само собой разумеющимся в 1990 г., о существовании в итальянской микроистории двух течений - социального и культурного. Однако, по мнению исследовательницы, различие между этими двумя подходами состоит вовсе не в том, что их сторонники имеют разные научные интересы (т.е. образно говоря, одни интересуются желудками, а другие - головами людей). На самом деле цели всех микроисториков оставались едиными.

Разногласия возникли по вопросу о том, как связаны между собой поведение людей прошлого и их

Книга: Историческая антропология

Лекция: Микроистория: к вопросу о сущности предмета исследования и перспективы развития

Автор лекции: Алия Масалимова

культурные «ресурсы». В этом плане показательна критика, которую «социальное крыло» микроисториков (к нему Черутти относит и себя) адресовало К. Гинзбургу: его упрекали в том, что он не подверг изучению сеть социальных связей Меноккио. Жизнь фриульского мельника стала для ученого лишь «трамплином» для дальнейшей реконструкции сложной космологии этого человека. Поэтому выделение социальной и культурной школ в микроистории Черутти считает неточным: основное различие между ними, по ее мнению, связано с вопросом о том, какое значение следует придать поведению индивида и социальным отношениям в общем для двух направлений стремлении выстроить контекст, подходящий для изучения культурных моделей.

При этом методологические изъяны обнаруживаются в работах и того, и другого направления микроистории. Так, С. Черутти самокритично отмечает, что в ее ранней книге о туринских ремесленных копорациях XVII-XVIII вв. контекст оставался внешним, посторонним по отношению к жизненному опыту действующих лиц (актеров) и что реконструкция биографий отдельных индивидов сама по себе не давала гарантий выявления их внутреннего мировосприятия. Более того, применявшееся ею тогда понятие «стратегия» с присущими ему коннотациями, подчеркивающими роль рационального выбора, впоследствии было подвергнуто критике микроисториками как концепция, порождающая анахронизмы.

Понятие стратегии поведения, подчеркивает Черутти, «побуждает историков вести исследование в плоскости, которая остается внешней по отношению к «версии событий» самих «актеров» и проходит «выше ее». Те же понятийные рамки предопределяют общее направление того или иного действия, поскольку одна из предпосылок такого подхода состоит в том, что индивид манипулирует социальными нормами. Таким образом, противоречия между конкретным действием и существующей нормой ожидаемы изначально, и историку остается только найти их. В итоге «нормы и модели поведения, культура и действие оказываются в разных исследовательских плоскостях».

Разочарование в понятии «стратегия» побудило С. Черутти сделать серьезную ставку на взгляд «изнутри», на эмический анализ, основанный на языке и логике самих «авторов». Здесь необходимо пояснение: термины «эмический» (emic) и «этический» (etic) были введены в научный оборот почти полвека назад американским лингвистом Кеннетом Л. Пайком для обозначения различных способов описания поведения людей. Эмический подход предполагает взгляд изнутри некой системы, а этический - взгляд на нее внешнего наблюдателя.

Эмический подход означает пристальное внимание к действиям, намерениям и даже иллюзиям людей. Как подчеркивает С. Черутти, при таком подходе исследование норм оказывается частью изучения социальных связей. Отношения между нормами и практиками являются взаимозависимыми: они оказывают влияние друг на друга. Именно проблема соотношения эмического и этического подходов, полагает автор статьи, лежит в основе различий между исследовательскими методами микроистории.

Если для самой Черутти эмическое и этическое составляют две процедуры научного анализа, то для К. Гинзбурга, по ее мнению, они оказываются разными контекстами: один из них - тот, в котором непосредственно действуют люди, использующие определенные культурные модели, а во второй - более отдаленный и глубинный, в котором прослеживается история самих этих моделей.

Основной упрек С. Черутти в адрес своего знаменитого коллеги заключается в том, что принципы или методы контекстуализации, применяемые К. Гинзбургом, нигде им четко не прописаны. Направление, в котором двигается исследователь, переходя от одного, непосредственного, контекста к другому, глубинному, уже не зависит от первоначального объекта изучения и определяется только эрудицией ученого, то же самое относится к актуализируемым при этом исторически связям и параллелям.

Этому «мозаичному» методу исследования Черутти противопоставляет путь последовательного проведенного эмического анализа. При таком подходе учитывается то, как сами люди производили отбор культурных традиций из числа имеющихся в их распоряжении. Это позволяет определить культурный контекст, «контролируемый» в том смысле, что его уместность определяется не одним лишь исследованием, но линиями поведения самих «актеров». Обоснование избранного подхода Черутти видит в том, что «... культура не является чем-то просто унаследованным, она представляет собой еще и результат постоянного творчества».

Таковы исторические перипетии истории микроанализа. Как видим, эта исследовательская традиция имеет отпечаток национальной особенности, условий формирования и методологических подходов. Как бы то ни было, микроистория, в нашем понимании, выступает той самой теоретической, социально-культурной парадигмой, которая легла в основу исторической антропологии на рубеже 80-90 гг. XX столетия.

Книга: Историческая антропология

Лекция: Микроистория: к вопросу о сущности предмета исследования и перспективы развития

Автор лекции: Алия Масалимова

Основные термины

Микроистория социальная и культурная, эмическое и этическое, культурный контекст, историографическая традиция.

Дополнительные ресурсы по теме лекции

1. Копосов Н.Е. О невозможности микроистории // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. М., 2000. Вып. 3;
2. Pike K.L. Etic and Emic Standpoints for the Description of Behavior // Communication and Culture: Readings in the Codes of Human Interaction. New York, 1966. P. 152-163.
3. Берк П. Историческая антропология и новая культурная история // Новое литературное обозрение. 2005. № 75. С. 64 - 91.
4. Гинзбург К. Мифы – эмблемы – приметы: Морфология и история. Сборник статей. М., 2004 (итал. изд. – 1986).
5. Леви Дж. К вопросу о микроистории // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996.
6. Черутти С. Микроистория: социальные отношения против культурных моделей? // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 2005. М., 2006.